

12+

Юрий Леонов
Тайна Змеиной сопки

Юрий Леонов
Тайна Змеиной сопки

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Леонов Ю. Н.

Тайна Змеиной сопки / Ю. Н. Леонов — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Исчезнувшая цивилизация джурдженей, тайна золотой лягушки, невероятные приключения друзей-подростков и трогательная история первой любви в новой книге Юрия Леонова в жанре "Дополненной реальности". В реальные места и события вплетен затейливый узор фантастики, что в этом правда, а что вымысел - каждый читатель должен определить самостоятельно...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГДЕ ТЫ КОРЕНЬ, ХАТО-ОХТО?	5
Самый богатый человек в Кругосветке	5
За веселыми камушками	9
Сашкина тайна	11
Еще одна попытка	14
Отшельники	18
Где ты, чудо-корень?	23
Ноготок	31
Танцующий трактор	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГДЕ ТЫ КОРЕНЬ, ХАТО-ОХТО?

Самый богатый человек в Кругосветке

Проснулся Тимоха от назойливого квакающего звука. Будто лягушка пожаловала из болота. Уркнул и замолчал мотор. Возбужденно загомонили соседи...

Опять прикатил к Орке братан и сигналит, чтоб все слышали: Серега явился. Везет же дружку: у него и отец с матерью, да еще и Серега приезжает на машине из Владика – из Владивостока, где устроился работать шофером. Разговоров и кутерьмы – полный дом.

А у Тимохи в квартире тихо-тихо. Лишь мерно отщелкивают секунды часы, снятые с отслужившего свой век рыбацкого сейнера. Все семейство Лапиных – он да отец, сутками пропадающий на море. Летом у команды буксира редко бывают выходные. Так что Тимоха здесь за хозяина.

Отчего же сегодня прохлаждается он столь поздно?.. Ах, да: сегодня надо навести в квартире флотский порядок. Кому она нужна, эта приборка? Лежат вещи, где им нравится: кеды на печи, футболка под стулом. И пусть себе лежат, пить-есть не просят. Так нет, понадобилось отцу именно сегодня навести в доме образцовый, флотский порядок. Интересно, почему он просит об этом по пятницам? И обязательно ставит на стол цветы, как любила когда-то мама.

Размышляя таким образом, Тимоха совсем проснулся и приподнялся на локтях, привычно скользнув взглядом по «кубрику». Не тумбочка здесь у изголовья, а массивный, с дубовой крышкой рундук. Не окна, а иллюминаторы, снятые отцом с разбитого катера. Круглые, на винтах, с блестящей медной окантовкой. Посмотришь в один – увидишь смородиновый куст с еще зелеными ягодами. Глянешь в другой – узнаешь, какое сегодня море... Вон оно взблескивает огромным лазерным оком.

В хорошем месте живут Тимоха и Орка. Дома их вскарабкались по склону выше всех в рыбацком поселке Кругосветка. Внизу – приплюснутые цехи рыбокомбината, где работают Оркины родители, и выступ причала с блеклыми рубками мэрээсок – малых рыболовных сейнеров. Две улицы опоясывают бухту. И сопки, сопки, сбегаящие волнами к побережью...

Тимоха успел одеться, промыть под умывальником оба глаза и глянуть на себя в зеркало. Русые волосы взметнулись над макушкой петушиным гребнем. Кисточками зависли над оттопыренными ушами. На тонкой шее алело пятно. Оса поцеловала. У кончика прямого облупившегося носа вызревал бледный прыщ. М-даа...

Пришлепнуть гребень мокрой ладонью было секундным делом. Но едва Тимоха потрогал пятно, скосив рот, как в приоткрывшуюся дверь просунулась коротко остриженная голова Орки:

– Айда скорей! Начальник зовет.

Отродясь не было над Оркой никакого начальства, как и над прадедом, который, по словам отца, был вольным казаком. И – на тебе...

– Соври получше, – сказал Тимоха.

– Чтоб мне никогда на рыбалку не ходить, – поклялся Орка.

Клятва была серьезная.

– А зачем? – оттягивая время, спросил Тимоха.

– Сказал: одна нога здесь – другая там. А я – обе тут.

Не хотелось Тимохе идти к начальнику, словно предчувствовал, что будут от этой встречи одни заморочки. Но любопытство побороло сомнения.

В просторной комнате соседнего дома сидел за обеденным столом молодой, совсем не строгий по виду мужчина. В накинутой на плечи штормовке он очень походил на студента стройотряда. Много их приезжало на комбинат прошлым летом.

Увидев Тимоху, мужчина разулыбался ему, как лучшему другу. Даже привстал и руку протянул, назвавшись дядей Мишей. Пришлось ответить ему по-взрослому:

– Тимофей.

– Ого! – еще больше воодушевился приезжий. А чему обрадовался – не понять. Подумаешь, назвал себя Тимофеем. Так и отец зовет, когда сердитый бывает. Иногда кличет – боцман. А чаще – Тим, Тимка. Самому Тимохе тоже больше нравится звучное и отрывистое, как выстрел: «Тим!».

– А по отчеству? – хитровато улыбаясь, спросил дядя Миша.

– По отчеству не обязательно, – буркнул Тимоха.

– Ну и ладно, без отчества, так без отчества. Так даже лучше, по простому-то. Я к тебе вот с каким делом. Ты, слышал, камушки собираешь?

– А что, нельзя?

– Отчего ж... Я и сам люблю камни. И агаты, и ониксы. Хотел посмотреть твои сокровища, если позволишь.

Похоже было, всерьез говорит дядя Миша, хоть изъяснялся чудно и даже хотел понравиться. Одного не мог понять Тимоха: зачем понадобились взрослому человеку камушки, которыми услана вся отмель у ручья. Растерянно глянул на присевшего у печки на корточки Серегу. Высушенное ветрами и солнцем лицо Оркиного брата было невозмутимо. Едва приметно он кивнул головой, как бы в подтверждение сказанного его начальником. И Тимоха тут же исчез.

Вернулся он с красной, в белых иероглифах жестяной банкой, найденной на берегу. Нетерпеливые пальцы приезжего подхватили банку и перевернули над столом. Весело громяхая, раскатились по клеенке гладкие, отполированные струями голыши. Розовые, палевые, молочные, зеленоватые, подобные созревающей смородине, голубоватые, как море в солнечный день, бледно-оранжевые, как поспевающие ягоды костяники...

– О-о! Веселые камушки. То, что надо! – восхитился дядя Миша, ловко перебирая россыпь. – Молодец... Вот кто, оказывается, самый богатый человек в Кругосветке!

Не привычный к таким похвалам, Тимоха почувствовал, как горячо и тесно стало шее. Чтобы скрыть замешательство, он буркнул:

– Камни как камни.

– От скромности никто еще не умирал, это верно. – И тут нашел повод для похвалы дядя Миша. – Неужто все собрал в одном месте?

– На море тоже собирал.

– А больше в тайге, да?.. Ты хорошо помнишь то место?

Тимоха на мгновения замешкался. Разве можно забыть ту галечную отмель и перекат, где в светлых, пронизанных солнцем струях эти камни семафорят бликами друг дружке? Но уж очень торопливо расспрашивал приезжий, словно тотчас собирался бежать к тому месту. Может, вовсе не простые эти камушки, а есть среди них и особой цены...

Вспомнилось, как рассказывал Орка про зеленоватые кристаллы. Нашел их дед Лукса в тайге. Принес ребятишкам поиграть, а те их порастеряли. Лишь один камушек успел ухватить кто-то из горожан.

С той поры стали помогать у деда Луксы разные люди: Расскажи да Расскажи, где камушки нашел, хорошую цену за это обещали. А деду Луксе дороже всех денег была тайга, богатая зверями да птицами, которые навдывались к порогу его хижины. В ней, сложенной из корья, жил он вдали от поселка с ранней весны до поздней осени. Представил дед, как нагрянут

в тайгу толпой старатели, расковыряют, исковеркают все вокруг, и утаил то место. Прикинулся, что совсем ослабела память, забыл, где оно.

После смерти деда Луксы отец Орки скрытничать не стал. Всем, кто интересовался камушками, называл заветное место. Но всякий раз, наверно, тоже по забывчивости, – другое. Так что теперь и спрашивать об этом перестали. И вдруг еще один искатель объявился: «Ты хорошо помнишь то место?»

– Помнит, помнит! – бойко подсказал за приятеля Орка. Я тоже помню.

«Ох и выскочка этот Орка. Язык как салом намазан, все соскальзывает с него – осудил приятеля Тимоха. Но приезжий словно забыл, о чем спрашивал – так увлекся камушками. И пальцами протирал, и на свет разглядывал. «Языком бы еще лизнул», – посмеялся про себя Тимоха.

Дядя Миша и в самом деле поднес ко рту тусклый рыжеватый камушек,дохнул на него, и голыш робко просиял в ладони бледно-оранжевым светом.

– Сердолик, – обрадовано сообщил дядя Миша. Полудрагоценный камень.

Тимоха хмуровато проследил, как приезжий выловил из россыпи еще два таких камушка и отложил в сторону.

– Небось думаешь, заберу я их у тебя. И сделаю себе перстень с сердоликом. А? – неожиданно повернулся к Тимохе дядя Миша. И, глядя на сконфуженного владельца коллекции, наконец-то объяснил свое любопытство. Можно, конечно, и перстечек сделать, если терпения хватит. Только у меня другая забота.

Все разъяснилось так просто, что Тимохе даже неловко стало за свои подозрения. Работает дядя Миша в проектном институте. Мечтает застраивать Владивосток красивыми зданиями, а облицовочных материалов – одежды для домов – бедновато. Даже будущий дворец пионеров может вырасти до унылости серым, если дядя Миша не отстоит свою идею. Он предложил нанести на поверхность железобетонных плит для фасада здания россыпь из разноцветной гальки. И тогда заиграет радуга на ребячьем дворце. Только где найти столько красивой гальки – вот вопрос?

– Там этой гальки – хоть лопатой гребь, – сказал Тимоха. А Орка уточнил:

– Хоть бульдозером.

– Ну, если и в самом деле черпанем этой гальки – быть вам, разведка, первыми гостями во дворце, – при всех пообещал дядя Миша.

Так смачно он это произнес, словно отдавал ребятам в вечное пользование по крайней мере яхту класса «Летучий голландец». А чего хорошего в том будущем доме для пионеров, хоть и красивой галькой обсыпанном? Водила однажды мама Тимоху в танцевальный кружок, где горластая толстушка учила, как правильно надо ходить и приседать. Наприседался в тот раз Тимоха до ломоты в коленях. Спасибо, больше не хочется.

Пошурясь на кислую рожицу Тимохи, дядя Миша чего-то уловил и спросил, как старый вещун, способный угадывать чужие мысли:

– А где построим дворец?.. – И сам же ответил. – Конечно же, на берегу моря. Чтоб рядом была гавань для школы юнг. А в гавани что?

– Летучий голландец! – вскричал Тимоха.

– Нет, по-первости яхта класса «Кадет». Вполне приличное судно для малого каботажа.

Едва Тимоха представил косою, упругий от встречного ветра парус, как тускловатое безликое здание на траверсе дрейфующей яхты вспыхнуло ярким, бликующим разноцветьем. Школа юнг! Обладеть можно от одного названия. Волна воображения взметнула Тимоху на такую высоту, откуда будущая гавань рядом с дворцом пионеров увиделась вся-вся. До юркой тропки к причалу, до трепещущего гюйса на флагштоке... Только кто это уныло бурчит под ухом?

– Опять все в городе будет.

– Ну и что! Ну и что! – резко обернулся к другу Тимоха. Пусть в городе!

Если б кто-то спросил в этот миг, отчего так ликующе отозвалось в Тимохе обещание дяди Миши, он едва ли смог бы откровенно ответить. Разве Орка не прав? Какое дело им, поселковым ребятам до городской жизни? Там – свои радости и удовольствия, здесь – свои. Но в том то и дело, что в душе Тимоха по-прежнему считал себя городским. Ведь во Владивостоке, где он родился и рос, осталась не только мама, но и друзья.

Кажется, совсем недавно ходили они втроем и на пляж, и в кино. Эти дни, когда папа оставался на берегу, запомнились лучше всех праздников. Выпадали они редко. И однажды мама сказала, что устала быть женой моряка, устала в одиночку тащить на себе семейный воз. А какой там воз, когда Тимоха помогал и посуду мыть, и в магазин бегал за хлебом. Но разве маме что-то докажешь! Вся колючая стала – не подойди. И Тимоху стала звать не иначе, как отцовым защитником. А он все не мог понять, почему же другие матери месяцами ждут мужей с моря, а его мама не может. Так и разъехались они позапрошлым летом. Мама осталась жить в городе, а Тимоха с отцом перебрались в Кругосветку.

Конечно, уныло бывает здесь, когда ветры гонят и гонят с моря нескончаемые дожди, или наметают такие сугробы, что едва удастся приоткрыть входную дверь; когда вечера напролет скрипит под окном старая лиственница. В такие дни накатывает на Тимоху прилипчивая тоска по городу, хоть плачь. Лишь неостывшая надежда помогает встрепенуться душе. «Ништяк, вот помирятся родители, и снова заживут они вместе, втроем, и снова будет кафе-мороженое за углом, а возле пляжа – кинотеатр, и снова у близкого вокзала станут зазывно названивать трамваи да гукать набирающие скорость поезда...»

На вопрос гостя, кто проводит его до ручья, Орка подпрыгнул с вытянутой над головой ладонью. Тимоха мог бы подпрыгнуть еще выше, но ладонь совсем отяжелела. Кастрюли, чтоб их кошки задрали, будет отскабливать Тимоха, да возюкаться с половой тряпкой, как обещал отцу. А Орка, счастливчик, покатит на «уазике» в сопки навстречу звону ручьев.

Хорошо, когда есть надежный друг, готовый сражаться рядом с тобой, плечом к плечу, до конца. За чистоту и порядок. А что? Думаете легко? Кто знает толк в этом деле, подтвердит: главное – тут важен натиск. Натиск был. Дядя Миша дал пятнадцать минут на сборы. И мигом вся грязная посуда попряталась в ящик из-под картошки. Что-то пискнуло, треснуло при этом. Не важно. С тихим шелестом улетели за книжный шкаф вымазанные в глине сапоги. Не будут путаться под ногами. Береги-ись!.. В открытую форточку резво сиганула капустная кочерыжка. Следом за ней вжикнула ошалевшая от кутерьмы муха, и все стихло.

Сквозь искрящуюся на солнце завесу пыли просматривались строгие очертания порядка. Его венчала стоящая посреди стола почти чистая банка из-под фасоли. Нарвать и поставить в нее желтоголовых одуванчиков времени не хватило. Зато нашлась под кроватью давно утерянная картонка. На ней протягивал клешню добродушный краб, и синим фломастером было выведено: «Добро пожаловать!» Картонку и прислонили к пустой банке.

В десять ноль-ноль по владивостокскому времени машина квакнула, чуть не до обморока перепугав зазевавшегося кота Матроса, и вырулила на дорогу. Можно было бы, конечно, и не сигналить при отъезде. Но уж очень гордился Серега клаксоном, который он смастерил из старой клизмы.

За веселыми камушками

Наверно, дядя Миша рос в детстве почемушкой. И до сих пор все ему было интересно. Много ли кедров в здешней тайге, и урожайным ли на орехи выдался нынешний год. Что за рыба водится в горной речке Басандайке, возле которой петляла дорога, и на какую наживку берет...

Ребята отвечали наперебой. Но чаще объяснял Орка:

– Хариусы мух любят. А я намажу брюхо вареньем – вот тебе и наживки. Сами летят.

– А еще на транспортере рыбу ловить можно, – сказал Тимоха и охотно пояснил, что способ этот совсем не простой, требующий сноровки. Когда приходят с моря рыбацкие сейнеры, включают ленту транспортера. Она движется высоко над причалом, а по ней едет в разделочный цех камбала и селедка. Чайкам просто – подлетел да схватил рыбину. А с земли попробуй достань ее. Так напрыгаешься, пока на уху наловишь.

– Да, тяжелый промысел, – хмыкнул дядя Миша. – А лососи сюда заходят?

– Кета мало-мало бывает. Много давно не ходит. В этом году пойдет, – объяснил Орка.

– Почему в этом?

– Отец говорил.

– Отец говорил, – недоверчиво повторил дядя Миша.

Пока Тимоха жил в городе, бывал он в тайге только гостем. Когда ездили втроем за грибами, все крутился возле отца с матерью, боясь отстать. В каждом вывороченном пне или клубке лиан чудился затаившийся зверь.

Сейчас тайга начинается сразу за огородом. Захотел морковку – сходи на грядку, сорви. Захотел малины – пройди чуть дальше, на вырубку, хоть не досыта, но поешь. И сыроежек наберешь заодно. А если еще дальше забрести – чего только не встретишь, особенно в начале осени: и липкие кедровые шишки, туго набитые орехами, и оранжевые «уши» грибов-липовиков, оседлавших упавшие стволы, и гибкие лианы, с которых свисают алые кисти лимонника, янтарные плоды актинидий...

Вот такой огород оказался у Тимохи за порогом дома. Идешь по нему – конца-края не видно. Но не боязно стало совсем, особенно с той поры, как подружился с Оркой.

Послушать приятеля, так все зверье у него свояки, только говорить по-человечески не умеют. А главный свояк – медведь, покровитель их древнего, некогда большого рода. Да и сам Орка, если приглядеться, напоминает медвежонка. Такой же толстопятый и косолапый, так же ловко лазают по деревьям. Вот только молчать по-медвежьи не научился. Молотит и молотит дяде Мише про все подряд, что на глаза попадет.

Тимохе тоже хотелось рассказать что-нибудь интересное. Улучив момент, он выпалил:

– А здесь неподалеку живут обезьяны... На острове Хоккайдо, через море от нас. Туда на сейнере за день добраться можно. Правда, правда. И зимой там живут, снега не боятся. Рыбу ловят не хуже кота Матроса...

Тимоха ожидал, что дядя Миша удивится и спросит, откуда стало известно про обезьян. И тогда Тимоха расскажет о том, что у них на полке целых пять книг про Японию. Есть даже русско-японский разговорник.

Но дядя Миша спросил совсем о другом – про кота рыболова. И в ответ раздалось дружное: «О-о-о!»

Как же они забыли рассказать Серегину начальнику про такую местную знаменитость? Большой привереда, этот котяра. Снулой рыбы не ест, будь она поймана хоть сейчас. У живой отгрызает только голову. А поскольку охотников скормливать коту свой улов маловато, то наловчился Матрос сам добывать себе пищу. В отлив, когда море отступает от берега, Матрос вразвалочку идет к лагуне с проверкой: где какая рыбешка зазевалась, оставшись в луже, или

зарывшись в ил так, что один хвост наружу. Если улов маловат, отправляется Матрос к устью ручья и там, на камне вроде как дремлет.

– Вот так зажмурит глаз, а сам, хитрюга, все видит, – торопливо досказывал Тимоха, боясь, что его перебьют. Сидит, сидит, и вдруг – хват лапой! Есть рыбка.

– Хорош рыбачок, – хохотнул дядя Миша. У моего деда тоже был кот. Генкой звали. Так дед его, тунеядца, грибы искать научил. Одни только белые. Найдет – и голос подаст.

– Да ну?! – воскликнул молчавший всю дорогу Серега.

– Сам не верил, пока с ним в лес не сходил. Мяс – и вот он, боровик, под листом. Пройдешь рядом – не заметишь.

– И как научил?

– Говорит, прикармливал грибами понемногу, с малого возраста. Сам грибы белые ест – и ему даст. Не хочет? Впроголодь подержит, еще даст. Сначала вареный, потом сырой...

– Вот бы Матроса научить! – воскликнул Тимоха.

А Орка брезгливо наморщил нос. Грибы он не любил.

На сопку въехали по старой лесовозной дороге. Там Серега и остался сторожить «уазик», как наказал ему дядя Миша. Наверно побоялся, что утащит машину медведь. И хоть Серега знал тайгу получше Орки и Тимохи вместе взятых и очень хотелось ему побродить по знакомым с детства местам, но перечить начальству не стал. Только врубил на всю катушку любимый свой карманный транзистор. И диктор стал говорить за Серегу какие-то громкие слова.

Если б дядя Миша спросил у Сереги, рад ли он, что родные места помогут украсить краевой центр, то услышал бы: «Нет». Потому что очень нравилась Сереге тихая лучезарная отмель, о которой он проговорился на работе случайно. И представить на ее месте грязный котлован было свыше его воображения. Но мнение шофера о своем замысле дядю Мишу не интересовало. Быть может, он даже чувствовал в Сереге скрытое нежелание помочь ему, поэтому и пригласил с собой только ребят.

Тайга встретила ходоков по-царски: белопенным шатром цветущего чубушника, звонким гуканьем лягушки-жерлянки, терпким запахом прогретой на солнце хвои...

Спустившись в распадок, где таился ручей, они продрались сквозь заросли крапивы и папоротников, обогнули похожий на медвежью голову валун и замерли.

Мимо широкой галечной косы, умерив свой бег, стремились к морю чистые струи. Тени стрекоз скользили над мелководьем. Раздумчиво отсвечивали на солнце обкатанные водой гольши.

– Да-а! – восхищенно выдохнул дядя Миша. Как в сказке!

И в тот же миг Тимоха увидел, как на дальнем склоне ручья огнисто мелькнула за деревьями знакомая шевелюра. Мелькнула и исчезла. Как не было ее.

– Рыжий? – обернувшись к Орке, недоуменно произнес Тимоха.

– Где?

– Вон там. Только что был. Чтоб мне лопнуть!

– Ха! Ягод нет, шишки нет. Чего здесь делать? – не столько к Тимохе, сколько сам к себе обратился с вопросом Орка.

Сашкина тайна

Ну и задачку задал Сашка Панасюк. Дядя Миша набил камушками полные карманы штормовки. Орка обшарил в заводи все норки, поймав с пяток скользких пескарей. А Тимоха все не мог успокоиться. Сходил на дальний склон, где мелькнула рыжая Сашкина шевелюра, не обнаружил там никаких следов и все же нет-нет да поглядывал в ту сторону.

Сашка Панасюк по прозвищу Рыжий учился в том же шестом, как и Тимоха с Оркой. Свойский парнишка, почти что корешок: и за шишками, и на рыбалку вместе ходили. Какой же смысл таиться от них здесь, в тайге? Мелькнул и исчез, как будто не заметил приятелей. Такой глазастый – раньше всех видит, когда на горизонте появляются возвращающиеся с промысла сейнеры. И не заметил их. Очень странно...

Как только все четверо вернулись в поселок, Тимоха сбегал к Панасюкам. Двери их дома были на затычке, на березовом сучке вместо замка, как у многих в поселке. Мать в магазине торгует. А Сашка...

Он не появился в обед, когда обычно доил корову. Не встретил стадо и к вечеру, хоть всегда караулил свою Пеструху загодя. Низкорослая, с тугими пятнистыми боками, она понуро стояла у калитки, отмахиваясь хвостом от слепней.

Орка рассудил о Сашке просто:

– А-а, придет.

Тимоха же то и дело приглядывал с косогора: стоит ли еще Пеструха у калитки... Стоит, стоит, хвостом машет.

Сбежав вниз, Тимоха открыл калитку и, благодарно кивая головой, Пеструха поспешила к выдолбленной из тополя кормушке. Кормушка была пустой.

Тогда-то, осторожно погладив Пеструху, Тимоха и вспомнил, как прошлой осенью Сашка два дня не ходил в школу. Искали с матерью отбившегося от стада теленка. Все сопки излазили вокруг, пока воронье не подсказало, где останки его. Говорили, что задрал теленка приبلудный тигр – своих здесь давно не было. В конце зимы его будто бы отловили для зоопарка. А что, если снова приبلудилась какая-нибудь тигрица. Да вместо теленка... От этой мысли совсем тревожно стало Тимохе. Он прижался к шершавой шее Пеструхи, и она благодарно лизнула его в нос.

– Фу, как не стыдно целоваться – усовестил он.

Чисто прибрано все во дворе у Панасюков. Только баня во дворе раздета, без крыши. Как ни торопился Сашкин отец закончить ее за отпуск – не успел. Уплыл в экспедицию на все лето. Так что Сашка тоже в доме за боцмана.

Сидя на козлах для пилки дров, Тимоха ждал, что Рыжий появится с улицы. А он, проныра, явился со стороны огорода и гуднул в самое ухо:

– Здорово!

Тимоха чуть с козел не свалился:

– А ты... чего здесь?

– Я-то ничего, – улыбочиво ответил Сашка. А ты чего? Меня караулишь?

– Где был?

– А, там, – поспешив за подойником, неопределенно махнул рукой в сторону сопки Сашка. И это нежелание дать прямой ответ окончательно убедило Тимоху, что здесь дело не чисто.

Уведя Орку за сарай, Тимоха выпалил ему все догадки сразу. Может прячет Сашка отцовское ружье и там, в глуши подкарауливает у солончаков изюбрей, хоть охота на них запрещена. Или нашел то самое место с зелеными камушками. Или...

– Я тоже люблю тайгу бродить, – сердито перебил Орка. Просто так. И чего?

- Но ты же не прячешься ни от кого.
- А зачем?
- Вот! И я говорю: «Зачем?» ... Зачем Рыжий ходит туда тайком?
- Ну и чего? – снова спросил Орка.
- Давай узнаем.
- Ага, шпионить за ним?
- Не шпионить, а следить.
- Все равно не хочу.
- Боишься, да?

– Не медведь. Чего бояться?.. Все равно не хочу шпионить за Сашкой, – убежденно сказал Орка и от своих слов не отступил, как ни пытался убедить его Тимоха.

Первый раз случилось у них такое стойкое разногласие. И Тимоха ушел домой очень раздосадованный. Сказал на прощание:

- Ну и ладно! Я и один могу.

Весь следующий день Сашка как всегда полон траву в огороде, готовил бурду для поросенка. Как обычно, встречал под вечер свою Пеструху, не догадываясь, с каким вниманием следит за ним Тимоха.

Утром другого дня Тимоха едва не прозевал ухода Сашки. Глядь, а он, сумку прихватив, уже улизнул со двора.

Догнать Рыжего удалось у подножья сопки, на юркой, вьющейся среди низкорослого дубняка тропинке. Близко настигать его Тимоха поостерегся. Но и далеко отставать не рисковал. Шагала Сашка размашисто, хоть и оттягивала руку сумка с болтающимся хвостиком молнии.

Раза два Тимоха терял беглеца из виду. И оба раза выручала его огнистая Сашкина шевелюра. Словно фонарь, светилась она сквозь листву.

Огибая сопку, тропинка устремилась вправо. А Сашка вдруг исчез. На дальнем повороте он так и не появился. Значит, спрямил где-то путь. Тимоха тоже решил «спрямить», вломившись в густую чащобу.

Обогнув заросли элеутерококка, унизанного колючками да завязями ягод. Тимоха продрался через малинник, ловко вскочил на ствол поваленного кедра и пробежал по нему до самого комля. А когда впопыхах соскочил с него, оказался в душистых объятьях иван-чая.

Цветущие розовые свечи тянулись к небу вровень с его макушкой. Жужжали над ними пчелы. Гибкие волосатые гусеницы пожирали листву. И откуда-то из-под ног ускользал вкрадчивый, затихающий шелест.

Раздвинув стебли иван-чая, Тимоха нырнул в разлив трав, как в омут. Он был уверен, что держит верный курс, и бил кулаком, расчищая дорогу. Однако, хоть травы и поредели, но только обломанные лиственницы просвечивали сквозь розовое и зеленое.

Запахавшись, Тимоха остановился. Все так же монотонно жужжали пчелы. Зудело комарье. И больше вокруг – ни звука...

Заблудился.

Он постоял, размазывая по щекам комаров, и двинулся напролом, лишь бы не стоять на месте.

Надежда догнать Сашку растаяла, и Тимоха стал вертеть головой, отыскивая в облаках солнце. В той стороне должен быть и поселок.

Каково же было его удивление, когда, поспешив на просвет в листве и оказавшись на краю луговины, он увидел на другом краю ее яркую, как стоп-сигнал, Сашкину шевелюру. Тимоха едва сдержал в себе торжествующий клич: «Ага-а!»

Место было знакомо. Луг огибала юркая речушка Переплюнька. Тимоха не раз ходил сюда с ребятами ловить пескарей. И Сашка был в той же компании. Неужели столь проста ока-

залась разгадка тайны?.. Только к чему понадобилась Сашке корявая палка, совсем не похожая на удилице? Зачем-то сумку цепляет на нее?..

Тем временем Сашка занес палку с сумкой над речкой, к склонившейся с другого берега иве. Тычок – и закачалась сумка на обломанном суку, едва не касаясь воды. А Сашка, отбросив рогатину, пошел обратно, прямо на Тимоху.

Дрогнуть и попятиться еще дальше в кусты он не успел. Резко повернувшись, Сашка разбежался и прыгнул над речкой, ухватившись за нависший с того берега ствол черемухи. Едва не замочил спину, когда дерево гибко прогнулось, оплел ствол ногами, покачался на нем и, перебравшись руками, спрыгнул на землю. Ай да Санек!

Тимоха бросился в погоню, как только Сашка скрылся за деревьями. Разбежался, прыгнул над речкой в том же месте. Легко до ветки черемухи достал, мазнул по ней пальцами, успел вякнуть: «Ой!» и бултыхнулся в воду.

Обратно на берег Тимоха выкарабкался на коленях.

–Ништяк! – сняв с уха длинную серьгу водорослей, отстучал он зубами сам себе. Немного не рассчитал.»

Еще одна попытка

Ночью с океана налетел шквал. Он содрал с крыши котельной листы железной кровли и погнал их в сопки с грохотом и визгом. Тимохин отец вскочил, как по тревоге, едва задребезжали стекла от первого порыва ветра, и исчез в темной воюющей кутерьме.

Все утро Тимоха поглядывал в сторону бухты: не сорвало ли с якоря кланяющийся волнам за мысом буксир. Темный корпус суденышка порой исчезал из виду, как проваливался в пучину, и тогда что-то внутри Тимохи тоже срывалось и падало, падало, пока скошенная рубка буксира, вынырнув, не взлетала на белопенном горбу.

После полудня ветер ослаб. И Тимоха пошел в магазин за хлебом. Очередь была небольшой и терпеливой. Все ждали, когда Сашка с матерью перетаскают в подсобку только что привезенные мешки с сахаром.

Впереди Тимохи, зажав мелочь в кулаке, томился щупловатый, необычно тихий и покладистый Васька Гамов. Васька де Гама, как прозвали его пацаны. Он не обижался на прозвище. Жил Васька с бабкой и братом, работавшим на подхвате то в комбинате, то у геологов, то неизвестно где. Мать Васьки вышла недавно замуж в третий раз и обещала забрать младшего в город, как только пропишут ее у отчима. По этому поводу бабка купила Ваське новые джинсы на вырост, и он, подогнув штанины, чувствовал себя в них наполовину горожанином.

Когда подошла Васькина очередь, он привстал на цыпочки – лицо топориком, вытряхнул на прилавок мелочь из потной ладони и попросил пачку «Примы».

– А бутылек впридачу не желаешь? – упервшись полными руками в бока, грозно спросила Сашкина мать.

– Водки не надо, – смиренно произнес Васька.

– И то ладно. Для кого сигареты?

– Братан просил.

– Что-то я его давненько не видела. Вот пусть сам и придет. Давай, Тим, чего тебе?..

Минутой позже, скользнув в подсобку, Васька вкрадчиво охмурял Сашку:

– Ну, Санек, продай, а? ... Я пятак наброшу, честно. Чего тебе стоит? Вон ящик-то.

– Ну гривенник сверху. Хочешь?

– По шее кому-то хочу! Рука чешется.

– Да ладно тебе, курнули бы вместе, – торопливо досказал Васька. Сашкины кулаки он уважал.

Шесть лет назад, когда погодки Гамова, нарядно одетые, впервые пришли в школу, увязался с приятелями и Сашка Панасюк. Без сумки, в залатанных на коленях штанах.

Увидев его рыжую кудлатую голову, учительница ахнула:

– А ты куда, Панасюк?

– Учиться хочу.

– Рановато тебе, милый. Вот подрастешь, и на следующий год...

– Не хочу на следующий.

– А ты буквы знаешь? – спросила учительница и облегченно вздохнула. Вот видишь!..

– Зато я, кому хотите, могу наковырять! – брякнул Сашка, показав чумазый кулак.

Довод так рассмешил учительницу, что Сашка остался в классе. С тех пор за ним и потянулась слава забияки.

Тимоха тоже заглянул в подсобку, вроде бы мимоходом. Приглушенно сказал:

– Атас! Бабка идет.

Гамова как сдуло отголоском того шквала.

– Во, прилипало! – в сердцах отшвырнул пустой ящик Сашка.

– Врать бы сначала научился, – поддакнул Тимоха.

– Как ты? – хохотнул Сашка, намекая на придуманную Тимохой бабку.

– Хотя бы... Пошли завтра рыбачить.

– Хорошо бы, да не могу.

– На часок. За час знаешь сколько натаскаем.

– Не могу, – повторил Сашка, потуже стягивая вязкой горловину мешка. И никаких объяснений. Яснее ясного – завтра опять в тайгу улепетнет.

Только успел Тимоха вернуться домой, как раздалось знакомое: «Ква-ква» Серега прикатил на своем драндулете. У него оказались интересные новости. Дядя Миша, пробивной малый, успел за эти дни подписать важную бумагу. Панели, отделанные разноцветной галькой, заложили в какую-то смету. А добывать гальку на отмели, возле Басандайки, не разрешили. Но дядя Миша человек настырный, своего добьется. Странно Серега рассказывал об этом. Похоже было, что гордится своим начальством. А в голосе – скорее печаль, чем радость. Может быть, просто устал человек с дороги?..

...Проснувшись, Тимоха жадно прислушался: хоть бы опять навалилось ненастье – никуда не пришлось бы идти. Но дом молчал. За иллюминаторами гортанно покрикивали чайки, торопя рыбаков в море.

От расстройства у Тимохи зачесалось под глазом. Хоть бы «ячмень» там вскочил, какая ни есть – все причина остаться. Тимоха совсем было собрался еще немного вздремнуть, а уж потом поглядеть в зеркало. Но занозистая мысль пробилась сквозь лень. А вдруг Тимоха проспал и Сашка вот-вот улизнет в тайгу. В последний раз, унеся с собой свою тайну...

Вскочить с постели и одеться, если очень захотеть, – минутное дело. Сунув в карман краюху хлеба и огурец, он вымахнул на крыльцо.

С вершины сопки, не которую взобрался Тимоха, Сашкин дом виднелся, как спичечный коробок. А сам Сашка – не больше муравья. То выскочит в огород, то опять в дом. Шустряк.

Тимоха уселся под изогнутой ветрами березкой и вытащил из кармана краюху хлеба. Теперь можно было оглядеться и повнимательней.

У пирса рыбокомбината пришвартовался похожий на башмак сейнер. Сейчас подойдет к борту кто-нибудь из приемщиц, и поползет, как змея, гусеница транспортера. А совсем далеко, там, где синева неба сомкнулась с серостью моря, истончается, вот-вот исчезнет росчерк дыма. Быть может спешит в тропики огромный банановоз, такой, какой однажды Тимоха видел во Владивостоке. Вот бы на нем юнгой, как брали когда-то ребят в его возрасте. Тринадцать человеку исполнилось, и он согласен на любую работу: хоть на камбузе картошку чистить, хоть палубу драить – не слабо. Ведь плавает же он с отцом на буксире, и сам капитан хвалит его за помощь...

Тимоха так далеко унесся в своих мечтах от вершины сопки, что не сразу понял, какая зацепка помешала ему и дальше гулять взглядом по морю. А поняв, тотчас вскочил. Сашка уже шагал по тропе.

«Нормалек», – прошептал про себя Тимоха, и вдруг заметил такое, во что не сразу и поверил. От огорода Гамовых тоже спешил в тайгу какой-то двуногий мураш. Да чудно так: то скроется за кустами, выждет чего-то и суетливо поспешит вновь... За Сашкой.

«За Рыжим следит. Неужели Васька де Гама? А кто же еще, если не он?.. Вот те номер, чтоб я помер! Не зря, значит, торопился Тимоха раскрыть Сашкину тайну. Однако, как же теперь вдвоем-то?..»

Раздумывать долго было некогда. Тимоха припустил бегом вниз по гребню, но скоро перешел на шаг. Все равно успеет попасть на отмель раньше, чем эти двое.

Ручей курлыкал монотонно и убаюкивающе. Суховато потрескивали крылья краснобрюхих стрекоз, кружащихся над отмелью. Тимохе казалось, что он сидит в густой поросли орешника уже вечность, а ни Рыжего, ни Васьки де Гамы не было и в помине. Неужто пошли другим путем?

Неподалеку хрустнула ветка, заставив Тимоху замереть. Неясный шорох, тонкий визг. На гальку выкатился из кустов грязно-желтый взлохмаченный клубок и тотчас распался. Острордая половина с птичьим пером в зубах бросилась удирать вдоль ручья, а вторая азартно устремилась в погоню.

«Лисята», – облегченно выдохнул Тимоха.

Третий братец лис уселся на бугорок, смачно зевнул и принялся искать блох. Свесившийся хвост мотался туда-сюда. Один из братцев подкрался сзади, чтобы цапнуть за ту самую «моталку», и... Враз исчезли оба.

Кто-то шагал по тайге, раздвигая кусты. Вот и рыжая шевелюра мелькнула за ветками. Наконец-то Сашка! А за ним?.. Тимоха едва удержал ноги на месте. «Ну где же этот доглядчик, Васька де Гама? Чего медлит?.. Неужто отстал, растяпа?.. Ну и отлично!»

Сашка шагал напористо, не глядя по сторонам, все с той же оттягивающей руку хозяйственной сумкой. Тропа то исчезала в траве, то проступала вновь среди обнаженных корней деревьев. Душа Тимохи трепетала. Вдруг, оглянувшись, приметит Сашка, что кто-то тропит его, словно кабанчика. Как объяснить, чего здесь надо Тимохе? Нет и не может быть таких слов. Одна надежда: недосуг оглядываться Рыжему, вон как шпарит, торопится. Сейчас заведет Тимоху в самую чащу, а там...

На всякий случай Тимоха поотстал еще немного. Рыжие космы мелькнули впереди раз, другой и исчезли. Тимоха прибавил шагу.

Подстилка из мхов мягко пружинила, и он, поглядывая по сторонам, бесшумно лавировал между свисающих с ветвей лишайников. Неприветливой и чуждой казалась Тимохе такая тайга. Быть может, она чувствовала его нелюбовь и платила взаимностью? То нежданно стегала по лицу хвойной лапой. То норовила поставить подножку путаницей корней...

Деревья поредели, посветлело вокруг. Что-то бурое мелькнуло на прогалине. Тимоха замер. Сердце билось гулко и часто. Он крадучись сделал несколько шагов и сквозь тонкую завесу листьев узнал выгоревшую на солнце кофту и лохматые космы бабки Гамовой. Стоя на коленях, она увлеченно, по-собачьи рыла руками землю.

«Вот оно, то самое! Неужели нашла те самые камушки? – жаром охватило Тимоху. – Или, может быть, клад?»

Эти космы однажды едва не сделали Тимоху зайкой. Позапрошлым летом впервые покатил он в тайгу на велосипеде. Пустынная дорога петляла, огибая сопку. Вот впереди замаячила согбенная, с палкой в руке фигура.

Тимоха легко обогнал ее и обернулся. Склонив набок косматую голову, ему кривенько улыбнулась щербатым ртом старуха. «Чему обрадовалась, лохматая?» – неприязненно подумал он.

Проехал с километр, и за поворотом догнал... Да, да, все ту же ковыляющую потихоньку старуху. По-птичьему склонив набок голову, она снова радушно вроде бы улыбнулась, не промолвив ни слова.

«Как же она сумела, кикимора? На метле что ли его обогнала?»

На сбившемся дыхании Тимоха одолел тягунук. Расслабившись, обогнул один, другой поворот и... едва не налетел на согнутую спину. На этот раз старуха зыркнула исподтишка, как кольнула глазами. А у Тимохи от страха едва не отнялись ноги.

«Во, ведьма!»

Лишь в поселке, рассказав эту жуткую историю и боясь, что ему не поверят, Тимоха узнал, что ничего сверхъестественного с ним не случилось. Дорога в сопку, по которой он ехал, делает длинные петли, а тропинка карабкается вверх напрямик, кое-где совпадая с дорогой. По тропинке, не спеша, и обгоняла Тимоху бабка Гамова.

Теперь опять с ней какая-то чертовщина. Неужто сговорились с Рыжим? Но сколько ни оглядывался Тимоха, Сашки нигде не было видно.

Между тем Гамова ухватилась за что-то и стала вытаскивать из земли. Она кряхтела и ворчала, но справиться не могла. Такое любопытство разобрало Тимоху, что он шагнул поближе. Щелкнула как выстрел, сухая валежина.

Вскинув голову, бабка настороженно окликнула:

– Ктой-то здесья?

Тимоха отпрыгнул. И пока улепетывал, виляя меж стволов, вслед ему строчили, как из пулемета:

–Ах, чалдон! Оглоед! Бесовское отродье! Шатун несчастный! Чтоб тебе окачуриться!..

Все глуше, глуше... И – тишина. Даже птицы примолкли после такой тарабарщины.

Тимоха остановился перевести дух: «Чертова старуха! Чего намолотила с перепуга. Одно утешало: за кустами она едва ли разглядела, кто помешал ей выкапывать... что?.. Вот и гадай теперь. Здорово она его окрестила: «Чалдон», хоть и непонятно, но впечатляет.

Позже он узнал у отца, что ничего ругательного в слове «чалдон» нет. Так звали раньше коренных жителей Сибири. Значит обозвала его бабка сибиряком. Очень круто!

На опушке он вскарабкался по стволу корявой лиственницы. Сашки не было видно ни вблизи, ни вдали. У подножия склона, заваленного остатками срубленных деревьев, пестрой лентой курчавились заросли. Наверняка там струился ручей. За ним вздымалась скалистая сопка.

«Местечко что надо, – подумал Тимоха. Но далековато. И так вон куда усвистал!.. А если рискнуть? Неужто здесь можно заблудиться?..»

Так и вышло, что собирался Тимоха возвращаться домой, а оказался на берегу ручья, за которым горбатилась скалистая сопка. На склоне ее, среди замшелых уступов, подобно стражу, высился кряжистый, наполовину усохший кедр.

Отшельники

Издали скала показалась Тимохе неприступной. Но это только казалось. Когда он вскарабкался на нее почти до кедра и глянул вниз, то невольно задержал дыхание: «Ну и высота!» Как здорово видно было отсюда и причудливый росчерк ручья – серебром по зеленому, и обезображенный лесорубами склон, и сиреневую гряду сопки за ним. Ни дымка, ни движенья окрест...

«Ну и ладно, – облегченно вздохнул Тимоха. Отдышусь здесь немного – и обратно.»

Плоская площадка, на которой стоял Тимоха, густо поросла мхом. Он оказался таким мягким, что, повалившись навзничь, Тимоха засмеялся от удовольствия. Попробовал встать на голову, да руки плохо держали тело. Шлепнувшись раз – другой, Тимоха сказал себе по привычке: «Ништяк!» И занял позу поосновательней, враскорячку.

С вершины останца кто-то перевернутый с интересом разглядывал Тимоху. Не тигр. Если бы тигр, Тимоха, наверно, меньше бы удивился, чем при виде длинноволосого человечка в синих брючках и зеленой штормовке. Девчонка!

Он мешковато завалился набок и услышал дробный смешок. Нет, не почудилось. В самом деле девчонка, бледная, глазастая. Никогда не видел он такой в Кругосветке. Неужто заблудилась?.. Откуда?

– Эй! – вскочив на ноги, окликнул Тимоха. – Ты чего здесь?

– А ты чего? – невозмутимо ответили сверху.

– Чего здесь делаешь-то?

– Живу.

Девчонка сказала это так просто, словно они встретились на улице, и любопытствовала в ответ:

– А ты?

– Тебя ищу, – брякнул Тимоха.

Сверху снова пролился смех, тонкий, переливчатый.

«К ней шастает Сашка, – озарило Тимоху. Неужто совсем одна здесь?»

Она подала ему руку возле того самого кедра, куда вскарабкался Тимоха. Девчонка оказалась заметно повыше его и назвала себя Олей. Пальцы у нее были тонкие и холодные, как с мороза. В такой -то жаркий день! А глаза теплые. В них все время что-то менялось: то подрагивала насмешка, то скользила улыбка, то затаивалась грусть... Только синева под ними.

– А я вот бродил, бродил, – нескладно соврал Тимоха, предупреждая расспросы.

– Бродяга, значит?

– Ага... Такие кусты цеплючие. Всю морду покарябал.

– Не морду, а лицо, – наставительно поправила девчонка.

«Отличница, небось, чистюля,» – досадливо подумал Тимоха. Осмелев, спросил, не за ягодой ли пожаловала она в тайгу? Хоть, смешно сказать, какие ягоды в такое время?

Никаких секретов у долговязой не оказалось. Живет Оля с дедом в зимовье, совсем неподалеку. И, может быть, останется тут до осени. Здесь так интересно!

Что уж тут интересного, Тимоха уточнять не стал. Поглядывая в ту сторону, куда махнула рукой Оля, он ждал Сашку. Ничего приятного не сулила эта встреча. Но и миновать ее было нельзя. Все равно расскажет Оля, кого увидела здесь. Так лучше уж сразу объясниться с одноклассником. Иначе подумает – сбежал Тимоха, струсил.

– Ты меня не слушаешь? – вывел Тимоху из раздумья ее голос.

– Слышу, – буркнул он. А Сашка у вас?

– Обещал прийти. Так ты с ним?

– В общем-то, да...

– Ой, а я его ждала, ждала... А потом на тебя загляделась, как ты... Хи-хи... Может, он уже пришел?

Призывно тряхнув рассыпанными по плечам волосами, Оля спустилась на тропку и оглянулась. Тимоха стоял в нерешительности.

– Пошли, пошли. Гостям мы всегда рады.

Оля шла впереди медленно, словно и не торопилась ничуть. Тимоха тоже не спешил увидеться с Рыжим. Но все же про себя сначала окрестил девчонку тихоней. Такой длинноногой, под уклон – мигом бы доскакать вприпрыжку до зимовья. А она – доходяга, – доходяга и есть.

Крытая корой бревенчатая избушка походила на приземистый гриб. Она стояла на краю выбеленной свежей щепой и опилками поляны. Метрах в десяти от зимовья возвышался на сваях домик поменьше, без трубы и без окон – лабаз. Здесь хранили от зверья съестные припасы.

Хоть и много раз бывал Тимоха в тайге, а охотничье зимовье видел впервые. Ближе от жилья их никто не строит. А построив, стараются, чтобы знали об избенке лишь самые надежные люди. Кому надо – всегда найдут здесь кров и пищу.

Прикрыв за собой тяжелую дверь, Тимоха оказался в небольшом, с низким потолком жилище. Дощатые, выстланные сеном и шкурами нары. У единственного оконца – грубо сложенный стол. На столе – банка с желтыми головками купальниц. Справа от входа в полумраке посвистывал на железной печурке большой закопченный чайник.

Все это Тимоха уловил не вдруг. А первый взгляд осекся на том, с кем встретился поневоле. Сидя в углу на нарах, Сашка смотрел на вошедшего исподлобья, с таким упреком и изумлением, что вместо бодрого: «Здравствуй!» Тимоха кашлянул, прошелестел: «...сте» и покоился в другую сторону.

Там, над столом, нависла грузная бородатая фигура. Оля едва успела сказать: «Вот...», как бородач сразу все понял:

– Что, Сашка, «хвоста» привел?

Сашка молчал, не сводя с Тимохи пристального взгляда. Молчала в растерянности и Оля.

Почувствовав, как опахнуло жаром лицо, Тимоха повернулся и пнул ногой дверь. Она охнула, не подавшись... В отчаянии он двинул бедром. Дверь взвизгнула ржавыми петлями, отлепилась от проема, и тотчас цепкие пальцы ухватили Тимоху за плечо.

«Попался», – мелькнуло заголошно. Он сжался, готовый рвануться изо всех сил и бежать, бежать прочь без оглядки. Однако хватка была мертвой, а в голосе бородача сквозила всего лишь укоризна:

– Но, но, молодой человек. Уж коли пожаловал в гости, то не гоже хозяев обижать. И на хозяев обижаться не гоже... Вот попьешь чайку, как положено, – и хоть на все четыре стороны... Как зовут-то?

– Тимофей.

– Хорошее имя, – сказал бородач и, приобняв Тимоху за плечи, проводил к столу. Меня кличут дедом Агеем. Ну и на «хвост» обижаться не надо. Что было, то было. Так?

Тимоха кивнул. Со стены на него в упор глядела усатая тигриная морда. Казалось, она вот-вот подмигнет Тимохе желтым глазом. Такая добродушная была нарисована мордаха, что от ее взгляда сами собой расслабились и обмякли вздернутые плечи.

За чаем из наструганной лианы лимонника Тимоха рассказал про обещание дяди Миши украсить здешней галькой будущий дворец пионеров. А, может быть, камушков с Басандайки хватит даже на школу юнг. Оля слушала, не сводя с Тимохи чуть прищуренных глаз. Ободренный ее вниманием, он начал фантазировать, как красиво это будет смотреться – пестрая радуга камней во всю стену.

– А много надо этих камней? – спросил дед Агей.

– Говорят, много. Большой дворец будут строить.

– Ну, ясное дело, много. Угробят речку, как пить дать Технику туда потащат по реке, по нерестилищам. Дороги то нет.

– Дорогу туда проложат, – не очень уверенно сказал Тимоха. Что-нибудь придумают.

И Оля поспешила согласиться с ним: конечно, придумают.

– Придумают, – ворчливо повторил дед Агей. Если думать захочется. А зачем думать, если можно и без того?..хлопотное это дело – думать.

Один лишь Сашка не принимал участия в разговоре. Пил чай с сахаром, откусывая его по крохам, поглядывал в мутное оконце, за которым ничего не было видно.

В обратную дорогу Оля проводила ребят. Помахала рукой со скалы, как с причала, когда уходят суда. А они ей не помахали, занятые своими мыслями. Шагали торопливо, пока Сашка не произнес:

– Ну, доглядчик, запомни: проболтаешься кому про Олю – пеняй на себя.

– Нужна мне твоя выдрочка! – взъерошился Тимоха.

– Выдрочка? – круто обернувшись, переспросил Сашка. Думаешь, уел, да?.. А выдра – самая чистоплотная зверюга, понял? И симпатяга, и самая верная, чтоб ты знал.

– Подумаешь, чистюля... Дохлячка, она дохлячка и есть.

– Про дохлячку тоже последний раз слышу, – негромко, но веско отлил Сашка.

Однако Тимоху трудно было остановить. Скопившаяся обида на молчуна Сашку, на прозорливого деда, а больше всего на самого себя, так и не нашедшего слов оправдания, давно уже просилась наружу. Обойдя топкую, с болотистым запахом низину, он передразнил по-девичьи:

– Как здесь красиво! Какие здесь прекрасные комары!

Сашка отбросил в сторону сумку с пустой трехлитровой банкой и сжал перед собой кулаки:

– Могу и по соплям!

– А у меня нет соплей.

– Лады. Давай потолкуем!

– Давай!..

Легким прыжком заняв позу каратиста, Тимоха весело взглянул на приятеля. Дважды сходяв на занятия кружка карате, он привык хвастать, что основными приемами овладел, словно предстояла не драка, а всего лишь потеха. На робких такая готовность померяться силами действовала пострашнее угроз. Проверено было не однажды, еще в городе.

– Чур, не лягаться! Если лягнешь, так отделаю, что родной отец не узнает, – на всякий случай предупредил Сашка.

– Йой! – выдохнул в ответ Тимоха, словно боевой клич, хоть в переводе с японского это означало всего лишь: «Приготовиться». Следом преподаватель произносил: «Хадзиме» – начали. Очень звучно у него получалось, как выстрел, от которого обмирала душа. Тимоха так и выкрикнул вдохновенно:

– Хадзиме!

– Чего-чего? – ошалело переспросил Сашка, и тотчас пропустил два резких тычка. Отскочив назад, он вжикнул по носу рукавом – крови не было. – Так, да?.. Ну, держись, япошка!

От нового удара он уклонился нырком и без всяких ухищрений закатил сбоку затрещину.

Поднявшись с мокрой травы, Тимоха встряхнул головой. Чудная она была, как будто птички чирикали в ухе... Он ловко отбил один наскок за другим, успев дать сдачи и снова чуть не упал от встречного выпада. Ну и рычаги у Рыжего!

Все же Тимоха нашел в себе силы улыбнуться, показывая, что вовсе ему не больно. Вперед больше не лез, но, пригнувшись, стал ждать мгновенья, когда...

– Не наелся еще? – по-своему истолковал такую паузу Сашка.

– Ну, нарвись, нарвись...

– И что будет?

– Слабо, да?

Сашка сделал ложный выпад, уверенный в том, что Тимоха отскочит. И вдруг почувствовал, как ноги отделились от земли, а сам он летит, вытянув руки, навстречу влажной траве.

Хорошо потолковали. И теперь стояли друг против друга, тяжело, с присвистом сопя. Штаны и рубахи у обоих лоснились грязными пятнами. Тимохино ухо светилось фонарем. Под глазом созревала голубоватая гуля. На Сашкином лбу тоже припухла ссадина.

Глядя на плотно сжатые губы одноклассника, Сашка подумал, что хоть верх и остался за ним, но ничего он этой дракой не добился. Наверняка расскажет Тимоха про все, что было сегодня, своему дружку Орке, а тот – кому-то еще. И пойдет гулять молва по поселку, пока не добредет до бабки Гамовой. А уж та поднимет гвалт на всю округу: «Ишь, куда запрятали девку!»

Выдрав из волос клочок травы, Сашка сказал:

– Дурак ты был, дураком и остался.

– Сам-то...

– Ты хоть знаешь, что за девчонка?.. Ей, может, и года жить не осталось.

– Как это? – опешил Тимоха.

То, что он услышал от Сашки, заставило его забыть даже про гулю – назревающий синячище.

Дед Агей – дядя Сашкиной матери – издавна жил в Кругосветке. Когда вырубил вокруг строевой лес и работы не стало, уехал во Владивосток, к сыну. А тот завербовался и улетел с женой на Колыму. Дочь, Олю, не взяли с собой, оставили с родителями матери. Вскоре девчонка заболела. И кололи ее и просвечивали, и пичкали разными микстурами, а она все худела и худела. И тогда, не поверив врачам, дед Агей...

– Не поверил врачам? – изумился Тимоха.

– Ага! С дедом самим было такое. Вдруг усыхать стал, а отчего – неизвестно. Совсем доходягой стал. И вылечил его в тайге травами какой-то старик. Понял?.. Вот дед Агей и стал просить родственников доверить Ольгу ему, обещал отпоить ее травами. Да все впустую. Тогда он сговорился с Ольгой и украл ее. Понял?

«И что за дурацкая привычка у Сашки спрашивать, понятно ли говорит, – осерчал про себя Тимоха. Ну, украл и украл девчонку у родичей. Ежу понятно.»

– ...Оставили своякам записку, чтоб не искали их, – и в тайгу.

– А тот дед с бабкой что?

– Приезжали сюда вдвоем, такие чинные, носы кверху. Может и рады даже, что хлопот поубавилось. У Гамовой останавливались, вином поили. Пообещала она им все разузнать да выпытать, где Оля. А вот фиг ей!

– Погоди, погоди, Санек. У Гамовой, говоришь?.. Тогда понятно!

– Ты о чем?

– Ха! Да мы тебя сегодня вдвоем скрадывали. Васька де Гама тоже хвостом увязался, я с сопки видел. А потом, наверно, отстал.

– Точно он был? – заволновался Сашка. И до куда меня провожал?

– До отмели не дошел, это точно.

– Спасибо, Тим, что предупредил. Ну, я ему, следопыту, устрою... Сам понимаешь, если пронохает Гамова, куда хожу, – пиши пропало.

Тимоха помолчал и добавил, что бабку Гамову тоже видел сегодня. Неподалеку отсюда выкапывала что-то. Он ожидал, что Сашка заволнуется еще больше. Но эта новость не удивила Рыжего. Наверно, Гамова добывала корень чертова куста, за который в кооперации стали платить деньги.

От такого разъяснения скучно стало Тимохе. Что за жизнь пошла? Никаких тайн! Одни деньги.

– А ты веришь, что тайга Ольгу вылечит?

– Верю – не верю... Сам видел, какая она. Еле ногами шевелит. Дед делает ей отвары, да толку то от них... Самой нужной травы никак не найдет.

– Какой?

– Пузаткой зовется... На, приложи! – достав из кармана, Сашка протянул медный пятак – верное средство от синяков и, чтобы совсем замириться, вспомнил вслух, как лихо перелетел он через Тимоху:

– А это... через себя – нормальный приемчик!

– Элементарно причем. Тут главное – уловить, когда ты пойдешь на меня и упрешься на одну ногу. Простой захват – только ха! Помогаю тебе рвануться вперед, и – лети воробушком.

– Ниче помог, нормально, – демонстративно потирая ушибленный локоть, сказал Сашка.

Для Тимохи такое признание заменило десяток похвал. Захотелось показать себя в еще лучшем виде.

– Это еще что! Однажды пошел в гастроном. Встречают двое. Рожи – во! Ханыги, и оба поддатые. «Дай рупь!» Говорю, нету, а они вяжутся. Ну, я усатому кулак протянул. Вроде как деньги даю, а сам хватать его за рукав. Крутанул его через себя, только – ха! И в лужу. Вот потехи то было!

– Брехун! – покривившись, оборвал рассказ Сашка.

Тимоха обиженно замолчал. Очень хотелось оправдаться.

– Подумаешь... Не брехун, а выдумщик. Ну и чего?.. Хочу и выдумываю, чтоб веселей было.

Одежду ребята отмывали на берегу Басандайки. Там же искупались, пока сушились развешанные на кустах штаны и рубахи. Нырнули в омут да выскочили – студена вода, бегущая с гор. Зато как приятно потом упасть животом на разогретые солнцем, обкатанные до бархатистой гладкости камни.

Ребята лежали рядом, подняв головы и заморожено глядя, как невесомо, без видимых усилий парит над Басандайкой белобрюхая скопа.

– Кай-кай-кай! – падали сверху литые отрывистые кличи.

Что-то увидев внизу, птица сложила крылья и лишь у самой воды расправила их. Затряслась, замельтешила над омутом, но так ничего не ухватив, полетела дальше.

– Может, Оркина мать знает, где найти ту траву? – предположил Тимоха.

– Может и знает, а начнет расспрашивать, куда да зачем.

– Скажем, по ботанике просили.

– Да-а, а чего же Орка ее об этом не спросил?

– А Орка и так все знает! – брякнул Тимоха.

– Что знает?

– Ну не все. А только про то, что ты тайком в тайгу ходишь.

– Мало ли зачем... Может за черемшой, – успокоенно произнес Сашка.

Где ты, чудо-корень?

Через день Сашка вновь отнес на заимку продукты. А вернулся оттуда хмурый и неразговорчивый. Еле дознался у него Тимоха, что Ольга упала вчера вечером – закружилась от слабости голова. Дед Агей говорит, что, наверно, придется везти ее обратно, в город.

– Знала бы хоть, чего хочет, – в сердцах добавил Сашка. А то: молоко не буду, картошку не буду... Корюшку погрызу. И то ладно! Огурчиков свежих – может быть... А где их сейчас, свежих?.. Ехала бы уж, верно, к себе в город. Там все есть.

– Во даешь! – удивился Тимоха такой перемене в настроении Сашки. Но и отметил про себя: «Корюшку погрызу».

– Серьезно говорю. Капризуля стала. Совсем деда извела. Сегодня воды в корзину налил. Стоит и не поймет, откуда на полу такая лужа... А ведь еще недавно был – ого-го! Рассказывали мужики, стал нарываться на него спьяну Бичара. Лет пять назад у пристани было дело. А дед Агей драться не стал. Сдернул с Бичары шапку, да под катер ее, что стоял на берегу, и засунул. Плечом корму приподнял. Кто рядом был, чуть со смеху не подошли, когда Бичара тоже взялся толкать катер.

– Корень бы найти, – сказал Тимоха, уже не впервые слышавший эту историю.

– Нашел бы дед Агей, да уходить от Ольги боится, мало ли что... А вблизи от зимовья все обыскал. Очень редкий корень, эта пузатка.

– Найдем! – заверил Тимоха. Как-то само собой выскочило у него это слово.

– Ага, найдешь. Я уже вторую неделю шарю по склонам.

– А какая она из себя?

– Цветы у нее кистью. Коричневатые, и у каждого внизу пузцо.

– Найдем, – чуть тише повторил Тимоха. Не может же быть, чтоб не попалась хоть одна. Тайге конца-краю не видно... Айда, спросим у Оркиной матери. У них в сарае знаешь сколько всяких трав... И в пучках сушится, и на подстилке.

Испытующе глянув на Тимоху широко расставленными глазами, Сашка спросил:

– Орке трепанул уже?

Ждал и боялся Тимоха этого вопроса. Но как объяснить, что не мог утаить от дружка про свои похождения и про Олю.

– Понимаешь... тут такое дело...

Сашка покивал головой, как лошадь, и пошел прочь.

– Все равно корень найду! – крикнул вдогонку Тимоха.

За Басандайкой, где Орка когда-то видел траву, похожую на пузатку, они с Тимохой вдоволь набродились с утра. Вокруг покачивались розовые кисти валерьяны, желтые раструбы красоднева, сизоватые метелки полыни... А тех коричневатых соцветий не было и в помине.

Орка припомнил, как прошлым августом с отцом и братом они искали женьшень. Далеко ездили, в надежное место. Вот там намаялся Орка, так намаялся. Всю одежду располосовал о колючки. Подошву сапога прикручивал проволокой, чтоб не оторвалась совсем. А выкопали втроем за неделю всего два корешка. Всю тайгу прочесали до них какие-то умельцы.

О той неудаче Тимоха тоже слышал не впервой. Рассеянно поддакнув, он пытался разглядеть, что за странный предмет покачивается над разнотравьем. Будто мешок на палке... Да это же подсак, которым вываживают большую рыбу! Какой-то низкорослый рыбак шагал за бугром. Но почему вместо удочки подсак? Неужто собрался ловить в Басандайке тайменей? Вот чудик!

Когда рыбак поднялся повыше, сразу узнали и по лицу, и по вихляющей походке Ваську де Гама. На плече подсак, в нем пакет полиэтиленовый. А что в пакете?.. Засвистели, замахали руками: вали сюда!

Пакет был легок и тощ. На дне его, перебирая лапками и подрагивая крыльями, копошилось яркое, радужное диво. Махаоны! Таких больших изумрудных, отороченных густой синевой бабочек с рожками на нижних крыльях Тимоха видел лишь издали. А чтобы сразу столько поймать...

– Куда ты их?

– Курям, – покривился Васька.

– Курям?!

– Ну да, бабка толкует: яйца от них крупные будут.

Ох уж эта бабка Гамова! Все-то она знает, всюду найдет себе выгоду. Выписывает журналов не меньше, чем директриса школы. Так что все у нее «по-науке».

– Большая рыба, – насмешливо сказал Орка.

– А их подсаком знаешь, как здорово! Только – хлесть – и лапки кверху! Чего-то больно много их ныне.

– И охота тебе?..

– С бабкой уговор железный. – перебил Тимоху Васька. – Две копейки штука. Чуть-чуть до рубля не дотянул. Но ништяк, сторгуемся, – хвастливо подмигнул он. И тотчас вспомнилось Тимохе...

– В тайгу давно ходил?

– А чо там делать?

– Так ходил или не ходил?

Васька испытующе посмотрел на Тимоху, прикидывая, к чему бы такие допытки, и повторил, что в тайге сейчас одно комарье. Подумал еще и добавил:

– А коли и ходил, так что?

– Тоже бабка наняла?.. И за сколько? – напористо спросил Тимоха.

– За ско-олько... – усмехнулся Васька. Прет он, как лось, через кусты. Разве его догонишь?

– Кстати, Санек просил передать – заработает Васька. И хорошо. Не рубль, и не десятку. Поболе. Если и дальше так шустрить будешь. Усек?

– Усек, – хмуро сказал Васька. – А тебе-то чего?..

– Можем и мы заплатить. И за махаонов в придачу.

– Ха! Интересные вы ребята. Только скучные больно.

Васька де Гама длинно сплюнул и пошагал к дому. Голову он держал прямо. И подсак нес прямо, как флаг.

Что искали, нашлось как бы само собой. Уже перебрали они Басандайку и подходили к поселку, как вдруг Тимоха прыгнул в сторону и упал на колени перед кистью коричневых, вздутых у основания цветов.

– Она?

– Не знаю, – растерялся Орка.

– Она, она, – убежденно сказал Тимоха и огляделся вокруг. Больше таких цветов нигде не было видно. Не зря говорили – редкое растение.

Землю взрыхлили палками. Потом руками действовал Орка, вспомнив, как отец учил его откапывать корни женьшеня. Короткие чуткие пальцы кудесничали долго, освобождая от земли каждый тончайший корешок. В почетном карауле рядом стоял Тимоха.

– Ну чего ты там возюкаешься? – нудел он, пока Орка не поднял над собой похожий на бороду корень.

На правах первооткрывателя Тимоха внес растение в Сашкин двор, как несут по стадиону кубок чемпионы. Очень старался скрыть свое торжество. А все-равно с губами не было сладу – растягивались они в улыбке. Орка и вовсе сиял во всю круглую физиономию. Радоваться, так радоваться!

– Чего приволок-то? – настороженно спросил Сашка. Едва приняв растение, он покривил щеку и отшвырнул находку к деревянной лохани. Роем взлетели мухи.

– Д-да это знаешь, какой корень? – метнулся за «бородой» Тимоха.

– Знаю, знаю. Не пузатка. У той кисть длинная, а цветки мелкие. Я ж тебе говорил.

– А это разве большие? – попытался спасти положение Тимоха.

– И корень там другой, мясистый. Дед Агей хорошо запомнил.

– И пузо мало, – добавил Орка, как будто вовсе не он только что радовался находке. Надулся и ткнул себя пальцем в живот. Во какое должно быть!

Покосившись на него, Сашка ни о чем спрашивать не стал. И так ясно было, что посвящен Орка во все секреты.

Возвращались они домой, понурясь. Лишь однажды Тимоха вздернул голову, словно споткнувшись. Вся стена дома, где жил директор комбината, полыхала оранжевым пламенем хорошо проявленной на солнце, лоснящейся от жира корюшки. Прогонистые тушки рыбок висели рядами, нанизанные на лески, и источали такой одуряющий запах...

Как было не вспомнить про разборчивую в еде Олю и тот ясный мартовский день, когда пошла корюшка. Тимоха явился на берег к стоящему у причала плашкоуту – ржавой барже, когда там уже махали руками рыбаки. Снасть на корюшку не хитрая: леска с десятком крючков, на каждом вместо наживки насажено по кусочку белого поролон. Конец лески – на пальце, и только опускаешь ее в воду, как тотчас – поклевка. Жадная рыбка в нерест, и подходит к берегу всей стаей. А если подержать снасть чуть подольше, то и на каждом крючке будет по корюшке. Рыбаки в азарте выдергивали снасть с размаху, и за спины летели на ржавую палубу рыбешки. От них сладко пахло свежими огурцами.

Тимоха тоже с удовольствием приобщился бы к такой затее, да где-то затерялась леска с крючками. А свою разве кто отдаст в такой день.

На самом конце плашкоута махал снастью сам директор рыбокомбината, хоть был рабочий день. Сидел бы, как положено, в кабинете, решал свои дела, а леску оставил бы Тимохе. Так нет, увлечен. Махал так, что рыбешки, все, как одна, в ладонь величиной, кувыряясь, летели шагов за десять к ногам помощника. А собирал добычу в мешок из-под сахара, конечно же, вездесущий Васька де Гама.

Заметив Тимоху, директор отвлекся на мгновения от рыбалки и спросил, не найдет ли он кусок поролон. А то половину приманок сдернули корюшки.

Тимоха, помнится, приволок целую портянку белого поролон. Слабо надеялся, что, может быть, за это директор даст хоть пять минут помахать. Да где там! Буркнув: «Спасибо!», сразу повернулся спиной.

И вот теперь вся стена директорского дома полыхала янтарной, лоснящейся, одуряющее пахнувшей корюшкой, а Тимоха мог только облизываться, глядя на нее. Хоть заходи к хозяину и проси свою долю за поролон.

– Ты чего? – толкнул Орка замешкавшегося приятеля. Корюшки захотелось?.. Так у нас еще с того года осталась.

– С того го-ода, – вяло отреагировал Тимоха. Ее, небось, и не угрызешь. Не то, что эта...

– Да-а, хороша! – со вкусом произнес Орка, чем сразу разрешил все сомненья приятеля. Тимохе тотчас вспомнилось услышанное по телевизору: «Если от большого взять немного, то это будет не воровство, а простая дележка.» «И справедливо при том», – добавил он от себя.

Вот только идти в открытую, через калитку в чужой двор совсем не хотелось. Директорская усадьба была обтянута металлической сеткой «рабицей», кое где уже залатанной проволокой. Лишь в одном месте, у самой земли зияла дыра. Небольшая, но если отогнуть один край, то вполне можно пролезть как раз напротив глухой стены дома, где нет окон.

Боязно было. А вдруг как выскочит Сам да матом покроет – у него на языке не задержится. Но вспомнил Тимоха бледное личико Оли, представил, как расцветет оно при виде такой вкуснятины и, не раздумывая больше, опустился на колени.

Собак директор не держал, так что, проделав лаз, Тимоха сунулся в него без опаски. И даже успел встать на ноги возле морковной грядки. Как вдруг раздалось угрожающее: «П-ф-ш-ш!»

Выгнув спину горбом, пред Тимохой предстал взерошенный Барсик. Котьяра был настроен решительно, даже приподнял когтястую лапу, чтобы непрошенный гость не вздумал продолжать свои глупости. И Тимоха, дрогнув, попятился. Юркнул, было, обратно, да зацепился за проволоку. И Барсик, мякнув, со зверским наслаждением припечатал когтями по ягодицам Тимохи.

– Убью, скотина! – взвизгнул налетчик. Но недосуг было связываться с котярой. И, оставив на заборе клоч рубахи, бедолага рванул домой.

– Ты че, кошки сдрейфил? – поспевая за приятелем, невинным голоском осведомился Орка.

– Да это не Барсик, а Бар... Барракуда! – заикаясь, ответил Тимоха.

Оседлав «козу» – табуретку из половины полена, где ножками были обрубленные сучки, Оля рисовала евражку. Этот щекастый грызун то и дело прибегал к зимовью подкормиться хлебными корками. Садился поодаль столбиком, лапки на грудь, и терпеливо позировал да посвистывал, ожидая подачи. Лучшего натурщика из зверья, наверно, не отыскать было во всей тайге. Усатая морда выражала смирение и любопытство. Но в то же время Степаха, как прозвали евражку, держался настороже. Стоило повести рукой в его сторону – и лишь хвостик мелькал за камнями.

В альбоме было уже с десятков рисунков этой щекастой мордахи, но ни один из них не нравился Оле. Хотелось ей запечатлеть евражку радостным неунывой, как звериного божка, а он рождался оцепенелым и грустным, словно грызуну передавалось настроение самой Оли.

Легко дышалось ей лишь первые дни в тайге, когда все радовало новизной и казалось победой над недугом само бегство из города. Бодро настроен был и дед Агей.

– Фитонциды – это вам не таблетки! Комаров – и тех наповал, не то что бактерии, – шумел он на всю округу, словно продолжая застарелый спор с родственниками.

По широкому лбу деда Агея Оля давно научилась распознавать его настроение. Все хорошо – и морщин почти не видно. Но едва начинало «штормить», как морщины сбегали по переносице даже на нос. Пока что внушительный нос деда Агея еще не поход на прошлогоднюю картофелину, но верх уже сморщился заметно.

Сегодня Оля опять поздно встала с постели, зябко поежилась и натянула на себя теплую, как шуба, дедову телогрейку. Если бы год назад кто-то сказал ей, любительнице модной одежды, что вскоре она, не стесняясь, станет носить старый, прожженный во многих местах ватник размером вдвое шире ее, Оля наверняка приняла бы это за неудачную остроту. И только мысль о ребятах, которые вот-вот могут нагрязнуть, заставила ее поменять телогрейку на свитерок.

Чтобы не огорчать деда, Оля сказала, что чувствует себя получше. Да разве обманешь его? Снова пила по каплям противную медвежью желчь и какой-то горький настой из трав, не улучив минутки вылить все это куда-нибудь втихаря. Хорошо, что были с ней давние друзья – карандаш и бумага.

Шорох заставил Олю испуганно оглянуться. Над кустом светились три шевелюры: огненно-рыжая, как листья рябины в октябре, светло-русая, словно выгоревшая на солнце, и смолевая, с густо-синим, как ночное небо, отливом.

Узнав Сашку и Тимоху, Оля захлопнула альбом.

– Да ну вас! Как не стыдно подглядывать!

Двое вышли на поляну, а третий замешкался, косолапо, бочком выбрался из-за куста. Подбодрив приятеля дружеским тумачком. Тимоха выпалил:

– А это Орка!

Оля едва кивнула, поправляя струящиеся по лицу волосы.

За зимовьем слышалось хрипловатое ворчание деда Агея:

– Ну ворье! Как на вокзале. Ничего оставить нельзя.

– Опять лиса мыло уволокла, – радостно сообщила Оля. Да ничего, погрызет и бросит.

А сорока ложку стащила.

– Эта уж не вернет, – подхватил разговор Сашка. – Такая куркулиха, все к себе тащит, как бабка Гамова.

Немного погодя Тимоха улизнул за березы по малой нужде. И тотчас забыл, зачем пришел. Возле трухлявого замшелого пня нежно сияли бархатистой поверхностью, будто бы даже улыбались, два толстоногих боровика – два белых гриба под одной шляпкой. Близнецы. На самой макушке их золотистой этикеткой приклеился березовый лист. Представив, как удивятся все такой диковине, Тимоха рванул ее вместе с мохом и подержал на весу. Двойняшки были на заглядение.

Войдя в зимовье, где Сашка и Орка уже усаживались за стол с дымящейся ухой, Тимоха выдохнул:

– Во!

Все глянули на грибы, на деда Агея. Уж больно душевно он крикнул, прежде чем произнес:

– Молодец! Где только таких красавцев углядел?

– Да совсем рядом, – как можно более небрежно махнул рукой Тимоха. Отошел тут. А они стоят...

И Оля вроде бы порадовалась Тимохиной удаче. Но при этом так усмешливо переглянулась с дедом, что Лапин-младший заподозрил недоброе. Только спросить об этом не решился. Другая находка не давала ему покоя. Улучив момент, он достал из кармана измятую кисть цветов и спросил, как она называется.

– Первоцвет. Лечебная травка. От бронхита хорошо помогает, – тотчас отозвался дед Агей. И, заметив, как остро зыркнул на соседа по столу Сашка, добавил. – Если насчет пузатки, то могу рассказать, какая она... Нанайцы зовут ее хата-охто. И корень этот ценят дороже женьшеня. Да, да. Уж очень он редок и целебен. Вот старый Лукса хорошо знал, где он растет. И лечить умел. Да ушел Лукса к верхним людям, царство ему небесное.

– А дед Лукса не нанец был. – сказал Орка.

– Верно, из удеге он. А ты откуда знаешь? – удивился дед Агей.

– Он... как это?.. Дедушка мамы.

– Вот оно что!.. А маму твою зовут Майя?.. Ну, так мы с тобой, Орка, почти родственники. Я деду Луксе жизнью обязан. И знаешь, то добрый знак, что ты к нам пришел.

Тимоха от души двинул локтем Сашку: слышал ли, что сказано?.. Учти!

Разговор за столом то набирал силу, то истончался, обтекая стороной только Олю. Она кивала головой, когда ее спрашивали. Словно со всем соглашалась. А лицо оставалось грустным и смиренным, как у монашки.

Закончив трапезу, дед Агей стряхнул в горсть запутавшиеся в бороде крошки и, кинув их в рот, назидательно произнес:

– Чтоб добро не пропадало.

– Топор я видел у порога, – сказал Сашка, вставая из-за стола.

– А ведро – на бочке, – догадливо подхватил Орка.

Ох и шустряки! Вмиг обоих не стало. Тимоха только головой успел повертеть и с надеждой спросил, есть ли еще ведро.

- Больше нет. Ты вот лучше с Ольгой побеседуй. А то здесь со мной совсем одичает.
- Не одичаю. У меня книги есть, – буркнула Оля вслед шагнувшему к двери деду.

О чем говорить со скучающей девчонкой, Тимоха не знал. «Ну, ловкие ребята, – крутилось в голове, – брызнули, кто куда, а я тут сказки рассказывай.»

Он тоскливо поглядел на тигриную рожицу. И вновь показалось, что со стены вот-вот подмигнет ему усатая зверюга: «Не дрейфь, парень!» Догадка созрела вдруг:

- Ты рисовала?

– Я, – тускло отреагировала Оля. Хотелось ответить этому мальчишке, оставшемуся с ней только по принуждению, что-нибудь пообидней. Но желание оказалось слишком вялым, чтобы найти нужные слова. Привычная к охам и ахам по поводу своих рисунков, она ждала, что и этот блондинчик начнет сейчас вымучивать из себя дешевый восторг. Но он молча, с любопытством, как бы заново рассматривал рисунок, пытаясь понять, что за странное сияние исходило из него.

- Тим...

Он вздрогнул. Таким оттаявшим от раздражения, слегка виноватым голосом, бывало, звала его мама.

- ... А как там вделают в стены дворца эти гальки?.. Как попало?

- Почему как попало? По-разному. Можно знаешь как?..

Тимоха вскочил с нар и торопливо стал изъясняться, помогая себе руками. Узоры из разноцветной гальки струились по стенам, играя гаммой оттенков, сплетаясь в причудливые соцветия. Как будто летняя лужайка расцвела на берегу бухты. Узоры, разумеется, придумали сами ребята – фантазии у них хватит и на тысячу дворцов. Дали бы только им волю...

Оля смотрела на переменчивое лицо гостя и в то же время мимо него. Ей виделся свой дворец, совсем не похожий на Тимохин.

- А ты мне камешков этих принесешь?

- Хоть мешок! – запальчиво пообещал Тимоха.

Недоверчиво скользнув взглядом по шупловатой взъерошенной фигуре мальчишки, Оля примолкла. Кого-то он остро напомнил ей и возбужденной интонацией, и торопливыми движениями рук, едва поспевающими за мыслью, и разлохмаченными вихрами... Неужто отца?.. Конечно, отца в тот памятный последний час сборов!

Он столь красиво и вдохновенно обещал, что все будет хорошо. Вернутся они с мамой, отработав срок договора, и на новой машине втроем отправятся на все лето куда-нибудь в Среднюю Азию, где на базарах высятся горы медовых дынь, бродят задумчивые верблюды и витает над всем божественный запах бешбармака. Заталкивал в чемоданы какие-то вещи и обещал, обещал, стараясь не встречаться с заплаканными глазами дочери, прекрасно зная, что не нужна ей никакая машина, а хочется лишь одного – чтобы оставались они неразлучны втроем. Оттого, наверно, голос его казался фальшив.

- Не веришь, да? – вывел ее из задумчивости недоуменный голос Тимохи.

Она беззащитно улыбнулась и покачала головой в знак несогласия.

- Разве я тебя обманывал?

- Нет, просто я так чувствую. Смотрю на тебя и...

- Ну и чувствуй! – рассердился Тимоха.

Когда он вышел из зимовья, казалось, хуже настроения не бывает. Чтобы он еще когда-нибудь стал откровенничать перед девчонкой? Ни в жизнь!.. Где там Сашка с Оркой?.. Домой пора сматываться, в самый раз. И больше сюда – ни ногой!

Сашка помахивал топором в дальнем конце поляны. Вроде б не сильно помахивал, а поленья отпрыгивали с веселым перестуком. Тимоху он встретил насмешливо. Глазастым обозвал.

- А что такое? – насторожился Тимоха.

– А то! Погляди в альбом. Твои грибы уже были нарисованы. У пня сорвал?

– Правда что ли?

Постучав костяшками пальцев по голове, Сашка повторяться не стал. И так было ясно – не врет.

– Откуда ж я знал...

– Смикитил бы. У самой поляны выросли такие грибы. Неужто все безглазые?

По Сашкиному разумению выходило, что и дед Агей видел боровики. Да не спешил сорвать, представляя, как порадуется находке Оля. А она хотела доставить такое удовольствие деду. Вот и таились друг от дружки, пока не подоспел глазастый.

– Все! – попытожил Тимоха. Мотаю отсюда. Провались они со всеми штучками-дрючками! Дурачка из меня сделали и довольны.

– Будет набухать то, – сказал Сашка. Сейчас за корнем пойдем. Попросил дед поискать с ним вместе.

– Вот и шагай с ним! А с меня хватит! Нашли дурачка... и рады.

Коротко взглянув на заикающегося от волнения Тимоху, Сашка взялся за топор:

– Ну и давай! Дуй до горы!

Обида так душила Тимоху, что он назло всем побрел не торной тропой, а напрямик, по гребню склона. Но далеко уйти не успел. За кустами почудилось какое-то шевеление.

Осторожно ступая, через просвет в листьях он угадал знакомую выгоревшую на солнце коричневую кофту. Нашла–таки бабка Гамова прибежище Оли. Или еще не успела и копает свои корешки?

Тимоха резко отвел ветку, рассчитывая на внезапный эффект, и нос к носу столкнулся с широкой мохнатой мордой, по которой бегали муравьи. Прищуренные глаза медведя враз округлились и засияли нервным трепетным светом.

Зрелище так ошеломило Тимоху, что он не смог даже пискнуть, не то, чтобы позвать маму. Но и косолапый обмяк с перепугу. Он первый опомнился: хрюкнул, рыкнул и, подбрасывая тяжелый зад, бросился наутек.

Тимоха не добежал – долетел до зимовья, как на крыльях. Увидел Сашку и тонко проблеял:

– Ме-е-е...

– Чего-чего?

– Ме-е, – снова выдал Тимоха и ткнул пальцем в лес. Ме-едведь!

– Тихо, – оборвал его Сашка, глянув в ту сторону. – Медведь. И что дальше?..

Переполох все-таки получился. Дед Агей второпях едва нашел патроны с жаканом, хоть стрелять в медведя не собирался, а лишь хотел припугнуть топтыгина. Оле строго-настрого было наказано не высовываться из зимовья.

Вчетвером они быстро нашли то место, где Тимоха столь доблестно напугал косолапого. Большой муравейник был разрыт. Отпечатки когтистых лап виднелись вокруг.

– Такой кайф медведю испортил, – подзудел Орка. Он недавно запомнил новое слово и теперь частенько щеголял им.

– Закусить муравьями он успел. Вряд ли снова вернется, – рассудил дед Агей, взглядываясь в следы, и обернулся к Тимохе:

– Сильно струхнул?

– Да, вам бы так!

– А я и сам их боюсь, – признался дед Агей. Да не в том заковыка. Главное – не показать свой испуг. Медведи сами трусоваты. Вон как этот от тебя рванул... Бывает, с перепугу и понос зверюгу прохватит. Или отбежит метров сто, да и свалится от разрыва сердца.

За разговором о повадках медведей они прошли по следам и сто, и триста метров, но нигде не валялось замертво свалившейся туши.

– Слабо ты его напугал, – укорил Сашка.

Ноготок

Визит любителя муравьев чуть было не поломал все планы. Но, обсудив ситуацию, решили, что медведь сюда не вернется.

У зимовья собрались впятером. Дед Агей перекинул за плечи выдавший виды рюкзакишко и привычно глянул на еловый сучок, горизонтально прибитый к срубам – таежный барометр. Сучок задиристо глядел вверх, обещая хорошую погоду.

– Слышь, Ольга, останешься за хозяйку. Будь умницей, голуба, не отлучайся никуда. Мне спокойней будет.

Привалясь плечом к косяку двери, Оля молча кивнула. Едва приметно улыбнулась Тимохе, словно извиняясь перед ним. Он тотчас отвел глаза, окрестив ее про себя притворщицей. Все девчонки притворы. Это для Тимохи не новость. Поэтому лучше держаться от них подальше. В тайгу, к медведям – в самый раз.

Идти предстояло к Ноготку – заветному месту, где, по рассказам деда Агея, могла сохраниться пузатка. Оттуда по старой дороге можно добраться и до Кругосветки.

На вершине сопки присели отдышаться на поваленную лесину. Дед Агей спросил:

– Ну, следопыты, что видели?

Тимоха так удивился вопросу, что едва не ляпнул: все, мол, видели, не слепые. Да опередил его Орка:

– Кабан ходил. Давно, однако.

– Верно, – похвалил его дед Агей. Большой кабан ходил, об ольху чесался грязным боком.

– Изюбрь тоже ходил, – сказал Сашка. У молоденьких ильмов все верхушки обглодал.

– Да, это у него вместо лакомства, особенно почки. А рядом липу приметил?.. Там погрыз внизу, где луб посочней. Зимой за белкой-летягой сюда придешь – не ошибешься.

Один Тимоха, оказывается, шел по тайге и ничегошеньки вокруг не видел. Вот и озирался теперь в надежде приметить хоть что-нибудь необычное.

Все окрест вроде бы выглядело знакомо, никаких особых примет. К тому же он вовсе не знал, как называется хотя бы вон то дерево с перистыми опахалами листьев. Просто дерево. И пернатую зеленоспинную пташу, что, попискивая, вертелась на ветке, он смог бы назвать лишь птичкой. Как любой случайно попавший в тайгу человек. Значит и он здесь случайный, посторонний?..

Так обидно стало Тимохе от этих мыслей, хоть кричи во весь голос: «Ну, уж нетушки, это моя тайга!»

Вспомнилось, как хвалил его дядя Миша за то, что помог найти ту самую отмель. Многие и до Тимохи бывали там, да никто не приносил оттуда столько красивой гальки. Значит, не такой уж он и слепой. Что надо – видит в тайге получше других.

Уверенность в себе совсем было вернулась к Тимохе. Но вспомнил, как час назад соловьем заливался перед этой пигалицей, а она представила его болтуном. И вновь запершила в горле обида. «Ничего, вот отыщу нужный корень, и пусть лечится. Выздоровеет, станет красивой, а я на нее даже не посмотрю.»

Едва спустились в распадок, как дед Агей замедлил шаги. Несколько раз срывал и клал в рюкзак какие-то травы. Но корней не трогал.

Ребята тоже шустрили, старясь не пропустить своей удачи. Каждому хотелось раньше других приметить траву со звонким названием: «хато-охто».

Вышли на волок – бывшую дорогу. Когда-то по ней стаскивали тракторами заготовленный лес. Захламленный гниющими остатками древесины, заросший жидким молодняком, оплетенный жилистыми лианами, волок едва угадывался среди разоренной тайги. Продираться по нему было не легче, чем по чащобе, и все разговоры смолкли.

Четверо вскарабкались на седловину сопки и замерли: перед ними лежал Ноготок. Зажатая со всех сторон крутыми склонами, долина и в самом деле походила на закругленный ноготь, обрамленный руслом ручья. Ничто здесь, кроме контура сопки, не напоминало деду Агею цветущего уголка. Нетронутой, девственной тайги он и не ожидал встретить. Но то, что открылось их взглядам, называлось совсем иначе. Это слово дед Агей не сразу решился произнести вслух: – Хиросима.

Изрытое колеями, вздыбленное пластами глины, исполосованное глубокими колеями, внизу тускло светилось раздетое догола, изуродованное тело земли. Лишь кое-где она успела прикрыть лоскутами зелени свою наготу. И зелень эта кричала корявыми строчками на желтизне.

Смотреть на Ноготок было больно. Но никто не отвел ошеломленных глаз.

– Кто это так? – ошеломленно спросил Тимоха.

Мог ли он предполагать, что невинный этот вопрос сработает как запал в готовой взорваться гранате?

– Кто-кто... Я! – выдавил из себя дед Агей и, вскинув поникшую голову, заговорил низким, на срыве голосом. Думаешь, специально сюда злодеев засылали?.. Сами можем! Сами творим не знамо что!..

Дивным заповедным местом слыл Ноготок. Среди могучих кедров и ильмов славили его щедроты птицы, кормились кабаны, а по осени трубными звуками оглашали долину красавцы изюбри. Когда-то дед Лукса находил здесь самые большие корни женьшеня. По его словам, жил тут и хато-охто.

С давних пор пользовались щедротами долины лишь охотники, корневищники да сборщики орехов. Лесорубам дорога сюда была заказана. Скалистые уступы и прижимы надежно защищали уголья от техники. Но однажды, когда окрест совсем не осталось строевого леса, а план «горел», начальник вызвал к себе заядлого охотника, бригадира лесорубов Агея, тогда еще не деда, и попросил его выручить коллектив – найти лазейку к Ноготку.

Долго уламывало начальство строптивного бригадира, не хотевшего вторгаться с пилами в долину. И, наконец, усовестило – людей, мол, без зарплаты оставишь. Покручинился Агей, забросил за плечи ружье да котомку и пошел прощаться с Ноготком.

Когда по сопке, кружась над кручами, пробирался в долину первый бульдозер, в кабине рядом с водителем сидел Агей. Одно утешало: обещал начальник взять здесь только самые большие деревья. Так и было. Но опять настали для леспромхоза тяжкие времена, и снова зазвенели пилы над Ноготком. Валили все деревья подряд.

В третий раз люди приехали в Ноготок за данью, когда взять здесь, казалось, уже нечего. Едва поднявшись над землей березки и елки тянулись вверх наперегонки с травами. Людям нужны были пни, из которых гонят канифоль и скипидар. Вот тогда-то и раздели долину догола, до бесплодной, вывернутой из глубин глины.

–...Приперся, старый дурень, на пепелище. И поделом мне!.. Вы уж, ребята, того... – голос деда Агея задрожал и осекся. Покорять тайгу все мастера. А защитников у нее – раз, два, и обчелся. Вот подрастете, может и станете настоящими хозяевами... Не такими, как я.

– Не надо, деда, – взглянув на побелевшие губы деда Агея, сказал Сашка. Все равно нашли бы сюда ход. Не ты бы показал, так другой.

– С одного человека все начинается, и хорошее, и дурное. А предал Ноготок я, и точка. Каждый сам за себя ответчик. Таков, парни, закон тайги, и не только.

А Тимоха и в самом деле почувствовал себя воином. Пусть не пришлось на его долю участвовать в той, большой войне. Теперь другая война – за чистоту природы, и он способен биться с теми, кто поганит родную землю. Вместе с дедом Агеем, вместе с Оркой и Сашкой. А сколько их, таких солдат по всей России?..

Они стояли вчетвером на обдуваемом ветром гребне, прощаясь с долиной. Как вдруг Орка различил на фоне темной скалы колышущийся полукруг теней.

– Воронье слетелось, – сказал он. Поддыхает... Кто?

– Изюбренок, – уточнил Сашка, когда в траве перед скалой ворохнулось охристое пятно. И ребята наперегонки ринулись вниз по склону.

На краю долины, где начиналось сочное разнотравье, лежал, вытянув мосластые ноги, пятнистый лопухий изюбренок. Завидев ребят, он приподнял голову и затих, приготовившись к самому худшему.

На сухой корче захлопало крыльями, встревожено загалдело воронье, почувствовав, что теряет добычу.

– Вот вам! – вскинул вверх фигу Сашка, первым добежавший сюда.

Черная свита разом поднялась в воздух. Изюбренок испуганно дернулся. А вместе с ним дернулась в траве ржавая змея троса. Вот оно что...

Брошенный механизаторами обрывок троса выползал из глинистого отвала, свиваясь кольцами. Трава приподнялась над ним, сомкнулась. Укрыла чуждое ей тело. Одно из колец и стало коварной ловушкой для изюбренка. Над протертой до мяса голенью гулко роились мухи.

– Ух ты! Корня нет – козленок есть! – возбужденно выкрикнул Орка. Потомственный охотник, он привык видеть в звере законную добычу. К тому же Орка не сомневался, что с такой раной изюбренок обречен на смерть. Хорошо что достанется им, а не воронам.

А Сашка думал иначе. Свою Пеструху он вскормил когда-то из соски и был ей, как шутили соседи, мамой. Эта радость душевного соучастия в судьбе незащитного существа осталась в нем, наверно, на всю жизнь.

– Обрадовался. Ух ты-тухты! – передразнил он Орку. Гляди, совсем ведь еще малец.

– Ага, в больницу его надо, – прищурясь, – произнес Орка.

– Сами не косорукие.

Тимохе вдруг показалось, что изюбренок понимает все, сказанное о нем. Иначе почему бы он усталился именно на Сашку? В темно-ореховых зрачках вздрагивала боль, а вместе с тем и мольба, и такая безгласая обреченность, что у Тимохи заскулило в груди.

Когда дед Агей подошел к ребятам, они уже освободили от троса большую ногу. Изюбренок лежал, смиренно вытянув тонкую шею. Лишь диковато прядал ушами от каждого прикосновения пальцев.

– Ну, шараш-монтаж! Механики липовые! Такого красавца едва не загубили! – запричитал дед Агей, доставая походную аптечку.

Промыв рану из фляжки и убедившись, что кость цела, он попросил ребят еще раз придержать изюбренка и щедро плеснул на рану настойкой из березовых почек. Судорога, потрепав, отпустила шупловатое тело, обтянутое шелковистой шерстью.

– Оклематься б тебе потихоньку, да больно доброхоты у тебя ненадежные, – кивнул на корчу дед Агей. Того и гляди – накличут беду.

– Вы идите, деда. Мы покараулим пока, – сказал Сашка.

– И вам дорога не близкая, – возразил дед Агей, оглядев уставшие лица ребят.

Они успели развести костер, попить чаю. А изюбренок все лежал на боку, время от времени пытаясьлизать рану.

– Ну, милоч, пора. Давай подниматься будем! Едва дед Агей протянул руки, собираясь помочь изюбренку, как он испуганно дернулся и рывком встал, растопырив не твердые еще ноги.

Ожидающее развязки воронье откликнулось гомоном неодобрения.

Припадая на раненую ногу, малец отскочил в сторону и набычился, готовый к отпору.

– Вот так, дурашка, и держись! Чувствую, оклемаешься. Только на зубы никому не попадайся! – с подчеркнутой бодростью сказал дед Агей и поторопил ребят. Дорога им предстояла не близкая.

Еще раз ребята остановились, услышав, как мекнул им в спины излюбренок. Бросили по камню в сухую корчу, переполошив черную свиту.

– Идем, идем! На ногах они его не возьмут. А тайга рядом. Постоит и утопает, – обнадежил спутников дед Агей.

Танцующий трактор

Ребята брели по дороге и закатное солнце золотило их спины. Редкие машины обгоняли троих, гудели, прижимая их к обочине. Гудели от усталости ноги.

В низинах уже густел сумрак, когда сзади из-за поворота вынырнул дребезжащий на всю округу колесный трактор.

– Кока-Коля! – обрадовано известил Орка, хоть и так все признали водителя. Загалдели разом, выбежав на проезжую часть. Мотор заглох, но трактор проехал мимо ребят дальше, постанывая и побрякивая, пока не осел в глубоком ухабе. Из кабины высунулась патлатая голова.

– Тормоза что ль ослабли? – полюбопытствовал Сашка.

– А-а, – обойдется. – сплюнув, ответила голова.

– Ну, ты даешь!.. Подвези.

Не прошло и минуты, как в кабину, рассчитанную на водителя, втиснулись все. Осталось Кока-Коле лишь полсиденья. Изогнувшись, как гвоздь, он смачно пообещал:

– Ну, держись, оторва! Прокачу с ветерком!

Трактор гыркнул и рванул из ухаба вверх, к небу. Пассажиры вякнули, уплотнившись.

– Р-раздайся, народ, самоходка прет! – забазлал дурным голосом Кока-Коля.

Безотказный парень Никола Пимокатов. С таким не пропадешь. Долговязый, худющий, словно никогда досыта не ел. В прошлом году уехал в училище механизации, а в этом уже вернулся на практику. Подсунули ему в подсобном хозяйстве списанную развалюху – колесную «Беларусь»: пусть поупражняется в сборке да разборке. А он подшаманил и погнал колымагу всем на удивление. С визгом, скрипом, но погнал, сияя белозубой улыбкой: «Работу давай, начальник!»

До нынешней весны был Пимокатов просто Колей, пока не приехал на побывку в нейлоновой куртке с броской надписью: «СОСА-COLA». И раньше, бывало, любил он напяливать на себя крикливую одежонку, привезенную братом из заграничья. Но обходилось без прозвища. А тут словно сам подсказал: Кока-Коля.

Проселочная дорога дремать не давала – подкидывала ребят на ухабах то в приоткрытую дверцу кабины, то под крышу, то на рычаги. Покрикивали на Кока-Колю, чтобы легче газовал, но не слишком сердито – все же не в автобусе едут.

Вот уже дохнуло запахом гниющей на берегу морской капусты. Приветливо замигала впереди цепочка огней. Еще одна загогулина дороги – и дома.

– Ну и дундулетина у тебя! – перекричал хырчание мотора Сашка.

– Экстра-класс! – довольно отозвался Кока-Коля. Если б посветлее было, я б щас прямиком лупанул, по перелеску.

– Как это? – вывернув шею из-под рычага, спросил Тимоха.

– Да ездил уже. Только осинки – щелк, щелк! Как спички отлетают. Танк – не машина! – похвастал Кока-Коля. Одно слово – самоходка.

Никто не восхитился такой лихостью. Но когда вывалились на улицу из кабины и поблагодарили тракториста за выручку, Тимоха, не удержавшись, добавил:

– А если еще раз поедешь по перелеску напрямик – пеняй на себя.

– Еще чего?! – изумился Кока-Коля. Ты, что ли, запретишь?.. Да я ж тебя одним пальцем...

– И меня? – прищурясь, спросил Сашка.

– И меня? – подперев Тимоху плечом, выпалил Орка.

Кока-Коля обвел растерянным взглядом всех троих:

– Ну, салаги, отблагодарили, ниче не скажешь! Чтоб я еще когда...

Взревел мотор, заглушив ругань. Вздвигнувшись на задних колесах, как дикий мустанг, трактор рванулся вперед и с грохотом исчез за домами.

Домой Тимоха возвращался с опаской. Наверняка отец начнет расспрашивать: где был да почему вернулся так поздно? Правду ему не скажешь. А что соврать?.. Шпиона выслеживали?.. Ха!.. Искали с Сашкой Пеструху?.. А отец пойдет в магазин, да между прочим и спросит... Вот ведь заковья! Едва кончили учиться, а голова совсем обленилась – думать не хочет.

Издавна усвоил Тимоха: если заваривается драка, лучше бить первым; если назревает неприятный разговор – надежней всего предупредить его другим вопросом. Вот только о чем?..

Тимоха шагнул через порог, и первое, что заметил – подсвеченный теплым сиянием торшера, букет обещал праздник. В который уже раз обещал...

Тимоха прошлепал по кухне и брякнул:

– Она не придет.

Оторопело подняв голову, отец потребовал объяснений.

– Если б хотела, давно бы уже вернулась к нам.

Голос отца сделался глух и хриловат, как у деда Агея при виде Ноготка.

– Не говори так больше. Очень прошу... Пожалуй, объясню, почему... Ты знаешь, кому на свете живется хуже всех?

– Самому нищему?

– Нет, Тим. Если у нищего нет ни гроша, но есть надежда получить кусок хлеба, он перебьется, переколотится. Хуже всех на свете тому, у кого не осталось надежды. Если не во что верить и некого ждать, жизнь теряет свой смысл. Зачем тогда жить? Понимаешь?

– Понимаю, – прошелестел губами Тимоха, осознав, что разбередил в отце самую потаенную боль. Он и сам привык тосковать по матери молча, не выказывая своих чувств, пытался даже представить, что ее на свете не стало. Но мать все равно являлась в снах, ласковая и заботливая. И он прощал ей все-все, даже упорство, с которым мама не давала знать о себе столь долго.

Он подошел к отцу и обнял покатуя спину, хоть и считал девчоночьими подобные нежности. Как-то само собой это получилось. И отец крепко-крепко прижал Тимоху к себе, будто оберегая от напасти. Тельняшка отца сладко пахла соляжкой и йодистой терпкостью моря, неожиданно напомнив о том, как Тимоха едва не остался сиротой.

Три года назад, когда отец плавал на рыболовном сейнере, ночью он вышел на палубу и шальная волна смыла его за борт. Случилось это в нескольких милях от острова Итуруп. Как рассказывал отец, сначала он растерялся, но не помнит сам, как скинул резиновые сапоги.

На его счастье шторм уже утихал. Рассчитывать на то, что на сейнере быстро обнаружат его отсутствие, не приходилось. Оставалось лишь плыть к едва видневшейся полоске берега. Вода обдала холодом и вскоре отец почувствовал, что ноги стала сводить судорога. Это было как приговор. Все чаще окунаясь в воду с головой, он стал прощаться с жизнью, да вовремя вспомнил, что на поясе у него ножны, а в них – разделочный нож. Острием лезвия он ткнул в онемевшие мышцы, и они расслабились, судорога отпустила. Но вскоре все повторилось сначала...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.